

Я. Г. Шемякин¹

ПРИНЦИП ДИАЛОГА КАК ДУХОВНАЯ ОСНОВА ДВИЖЕНИЯ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОМУ МИРУ

Идеал диалога общепризнан в мировом сообществе. Даже в условиях современного чрезвычайного обострения ситуации на планете сам принцип диалога никем не ставится под сомнение. Попыткам его осмыслить и интерпретировать посвящена масса литературы. Тем не менее сложностей и в понимании проблематики, и особенно в практическом воплощении данного идеала сегодня, пожалуй, гораздо больше, чем раньше. Это не случайно.

В основе всех трудностей мировоззренческого плана лежит проблема, которую У. О. Куайн обозначил как проблему «радикального перевода», то есть адекватного понимания тем или иным социокультурным субъектом текста, созданного представителем иной культуры, характеризующейся качественно иными представлениями о путях решения ключевых экзистенциальных проблем². Куайн пришел к выводу, что любой межязыковой перенос осуществляется в соответствии с принципом неопределенности³: «Нет никаких сомнений в том, что конкурирующие системы аналитических гипотез могут полностью соответствовать всей совокупности речевого поведения и все же предполагать взаимно несовместимые переводы бесчисленных предположений, невосприимчивых к независимому контролю»⁴.

На современном этапе глобализации проблема «радикального перевода», на первый взгляд чисто умозрительная, превратилась «в гигантскую по своим масштабам проблему культурной эквивалентности смыслов диалога»⁵. Одни и те же ценности и понятия, присутствующие, казалось бы, в духовном космосе всех культур (истина, добро, любовь, свобода, право и т. д.), могут получать (и получают) разные, а в некоторых случаях и противоположные интерпретации у представителей различных цивилизаций, существенно отличающихся друг от друга подходами к миру и к жизни. Вполне закономерно, что и сам феномен диалога может

пониматься по-разному, и это понимание обусловлено цивилизационным контекстом.

Истоки свойственной западному цивилизационному сознанию трактовки рассматриваемого понятия восходят к платоновской концепции диалога. Платон был, несомненно, первопроходцем в философской разработке проблематики диалога, однако, при всем значении его трудов для истории человеческой мысли, платоновская интерпретация данной проблематики имеет существенные ограничения, связанные главным образом с явной недооценкой одного из двух основополагающих структурообразующих принципов. А именно — принципа многообразия мира вообще и человеческой реальности в частности и в особенности. Как подчеркивал отвергший такой подход М. М. Бахтин, в платоновском диалоге «множественность голосов погашается в идее. Идея мыслится Платоном не как событие, а как бытие. Быть причастным идее — значит быть причастным ее бытию»⁶. Пожалуй, самую жесткую критическую оценку платоновской трактовки диалога дал С. С. Аверинцев: «Диалог как литературный жанр! Это греческое изобретение едва ли не наиболее отчетливо выявило коренную недиалогичность греческой литературы. Как известно, лучший цвет литературного диалога — это диалоги Платона, а их главный герой, самый неприменный персонаж и самый яркий образ — Сократ. Но что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально недиалогического человека, который не может быть окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного „я“, а потому в состоянии манипулировать партнерами в беседе, двигать ими как вещами, сам никем не движимый»⁷.

Таковы самые глубокие истоки той тенденции к монололизации диалога (то есть, по сути, превращения его в свою противоположность, в монолог), которая оказалась весьма характерной для западной интеллектуальной традиции. Цивилизационный монолог Запада, который фактически вообще не слышал подлинных «голосов» иных культур, продолжался на протяжении нескольких веков, по меньшей мере начиная с эпохи Великих географических открытий. В XX веке положение стало в какой-то степени меняться, по крайней мере в том, что касается научной среды. Однако даже тогда, когда значимость диалога с неевропейскими традициями признавалась, западные интеллектуалы были склонны трактовать оптимальный путь восприятия представителями этих традиций идеала диалогического общения как постепенное усвоение ими западного социокультурного стандарта плюрализма. В целом же

¹ Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.; глав в коллективных монографиях: «Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации», «Перспектива устойчивого развития. Аппелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям» и др.; статей: «Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований», «Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте» и др. Член Ассоциации исследователей ибероамериканского мира. Награжден Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ за значительные заслуги в сфере науки и многолетний добросовестный труд.

² Куайн У. О. Слово и объект. М.: Логос: Праксис, 2000. С. 43.

³ Стайнер Дж. После Вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М.: МЦНМО, 2020. С. 372.

⁴ Куайн У. О. Указ. соч. С. 94.

⁵ Следзевский И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М.: Ин-т Африки РАН, 2010. С. 138.

⁶ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 2013. С. 197.

⁷ Аверинцев С. С. Греческая литература и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971. С. 215.

Запад и в XX, и в начале XXI века продолжал быть главным фактором монололизации диалога в мире¹, причем совершенно очевидно, что в последнее время эта тенденция проявляется с особой силой.

Учитывая то обстоятельство, что именно Запад доминирует в современном информационном пространстве, необходимо обратиться к опыту переосмысления феномена диалога представителями незападных традиций, прежде всего отечественной. В этом плане чрезвычайно важной представляется задача актуализации творческого наследия М. М. Бахтина.

По моему убеждению, из всех имеющихся в арсенале мировой научной и философской мысли концепций диалога (из наиболее значимых здесь следует упомянуть работы Э. Левинаса, Ю. М. Лотмана и В. С. Библера)² именно «диалогика» Бахтина больше других отвечает потребностям современного момента развертывания «борьбы умов». Приведем несколько ключевых положений концепции Бахтина, позволяющих, на мой взгляд, наиболее ярко проиллюстрировать мысль о том, что именно эта концепция является реальной альтернативой той преобладающей на Западе трактовке рассматриваемого феномена, которая была кратко охарактеризована выше.

Диалогическое общение, по Бахтину, это основа социальности как таковой, синоним жизненного процесса в «мире людей». «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. д. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками»³. При этом для русского мыслителя «не идея как монологический вывод... а событие взаимодействия голосов» является «последней данностью» любого межличностного контакта⁴. Диалогическая активность — это «активность в отношении чужого живого и полноправного сознания. Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т. п.». Диалогическое взаимодействие — это взаимодействие «многих равноправных и полноценных сознаний»⁵. В противоположность этому «монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного... сознания... При монологическом подходе... другой всецело остается только объектом сознания, а не другим сознанием... Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его... и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность»⁶. Подлинный же диалог — это взаимодействие субъектов, каждый из которых сохраняет собственную идентичность, и потому он не исключает разногласий и даже конфликтов, но ориентирован в целом на достижение взаимопонимания⁷. Принципи-

ально то, что сформулированные Бахтиным принципы диалогического общения распространяются им как на область межличностного общения, так и на сферу взаимоотношений различных культур⁸.

Есть ли в современном мире силы, мыслящие и действующие в духе бахтинского (или, по крайней мере, близкого к нему) понимания феномена диалога, так или иначе противостоящие западной тенденции к монололизации? На мой взгляд, самого пристального внимания заслуживает в этом плане феномен БРИКС. Что объединяет столь сильно отличающихся друг от друга по многим параметрам членов этого объединения, которому очень многие на Западе с момента его возникновения неоднократно пророчили близкий распад, акцентируя именно эти различия и связанные с ними вполне реальные противоречия? Первое и главное, что здесь определенно можно констатировать: всех членов БРИКС объединяет стремление сформировать полицентричный миропорядок, исключающий гегемонию какого-либо одного центра, конкретно — модель однополярного мира во главе с США. Это означает, что у них есть общая стратегическая перспектива, которая и обуславливает очевидную общность (или близость) позиций стран БРИКС по основным вопросам международной повестки. Но это стремление к созданию полицентричного мира опирается на общую (несмотря на все различия) духовную основу. Анализ основных документов этого объединения позволяет сделать вывод, что все их пронизывает одна «сквозная» идея: «Центр принятия решений по всем жизненно важным вопросам, касающимся той или иной общности, должен находиться внутри соответствующих стран, а не вне их, не в западных центрах. Из утверждения этого принципа закономерным образом вытекает, что решение каких-то общих, касающихся всех проблем, выходящих за рамки компетенции и возможностей отдельных государств, должно достигаться в результате реального диалога, с учетом интересов всех заинтересованных сторон»⁹. История взаимоотношений стран БРИКС между собой, на мой взгляд, убедительно свидетельствует, что в данном случае реализуется в той или иной мере тот вариант диалогического общения, который описывается как приведенными выше формулировками Бахтина, так и (еще точнее) следующими его словами, характеризующими взаимодействие равноправных социокультурных макросубъектов, каждый из которых сохраняет в полной мере свою идентичность, отстаивает собственные интересы, но при этом внимательно вслушивается в «голоса» других участников диалога: «Активное согласие–несогласие... стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостоятельным, не допускает взаимного растворения и смешения»¹⁰.

Разумеется, в современном мире существуют и другие силы, которые так или иначе противопоставляются исходящей из западных центров тенденции к монололизации. Так, сравнительные цивилизационные ис-

¹ См.: Шемякин Я. Г. Программа «Альянса цивилизаций» в свете проблемы межкультурного диалога в полицентричном мире // «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М.: ИЛА РАН, 2010. С. 60–65.

² См.: Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998; Библиер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.

³ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 337.

⁴ Там же. С. 197.

⁵ Там же. С. 328–329.

⁶ Там же. С. 336.

⁷ Там же.

⁸ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 353–354.

⁹ Шемякин Я. Г. БРИКС в свете цивилизационного подхода. URL: https://arxiv.gaugn.ru/index.php?dispatch=materials.getfile&object_id=61166&object_type=pdf&ysclid=156rdwhic0555527778 (дата обращения: 04.07.2022).

¹⁰ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 366.

следования позволили выявить очевидные параллели между российской и латиноамериканской цивилизационными традициями в понимании феномена диалога¹. Тем не менее именно БРИКС, по всей вероятности, является сегодня главной идейно-политической силой, утверждающей принцип подлинного, полноценного диалога.

Воплощенная в феномене БРИКС «тенденция к формированию полицентрической структуры организации международного сообщества означает и ориентацию на глубокое изменение самой направленности и процесса мирового развития»². Признавая объективное содержание глобализации (расширение и интенсификация контактов, углубление взаимозависимости между различными частями мира), члены данного объединения отвергают западную трактовку глобализации как процесса, утверждающего принцип доминирования экзогенных факторов социальной эволюции над эндогенными, то есть над внутренней логикой развития той или иной страны, с чем связаны и весьма распространенные на Западе представления о «затухании» института национального государства. Общая черта стран БРИКС — акцентирование, в противовес этим представлениям, роли национального государства как основного субъекта диалога на международном уровне и главного рычага тех преобразований, к которым стремятся участники данного объединения, в том числе

в сфере мировой политики. Свойственная им ориентация на создание полицентричного миропорядка означает изменение удельного веса эндогенных и экзогенных факторов развития человечества: усиление роли первых и уменьшение значения вторых, отказ от понимания глобализации как «вестернизации всего мира» по преимуществу и разработку ее альтернативной версии, основанной на принципе реального многостороннего диалога в условиях теснейшего взаимодействия между членами мирового сообщества. Главная роль в этом процессе, как свидетельствует логика действий стран БРИКС, отводится опять же национальным государствам, опирающимся при решении проблем модернизации на достижение цели синтеза ее императивов и ценностей местных культур.

В этой связи нельзя не отметить еще одну важнейшую черту БРИКС: это уникальное по своим потенциальным возможностям пространство диалога не только стран, но и основных наличествующих в мире в настоящее время великих цивилизационных традиций. Впрочем, на этом уровне диалог еще только начинается по-настоящему разворачиваться. Тем не менее есть серьезные основания полагать, что общность подхода к феномену диалога опирается на глубокие духовные основания, общие для всех представленных в БРИКС цивилизаций, несмотря на огромные различия между ними³.